

Гутиеррес Таня
Ночь, когда цветет папоротник

18+

Татьяна Павловна Гутиеррес

Ночь, когда цветет папоротник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66555782

SelfPub; 2022

Аннотация

Алина и ее муж Ян много лет борются с бесплодием. Чтобы развеяться после плохих новостей от врача, Алина принимает приглашение от старой подруги посетить праздник Ивана Купалы, который проходит в деревне, где она выросла. Но самый невероятный и волшебный день в ее жизни превращается в сущий кошмар.

Татьяна Гутierrez

Ночь, когда цветет папоротник

Я беру ручку со стола врача гинеколога и нервно начинаю постукивать ей по ладони. Мне нужен любой отвлекающий маневр, лишь бы не сорваться прямо сейчас.

Пять лет ожиданий. Пять лет надежды. Пять лет разочарований. Операций, слез и новой надежды.

Я боюсь произнести даже слово, так как знаю: стоит заговорить о том, что кипит внутри, и все – все шлюзы откроются. Меня прорвет, и я прорыдаю здесь до конца приема. Поэтому я молчу.

–Мы сделали все, что могли, – женщина, которую я вижу последние несколько лет чаще, чем свою собственную мать, берет меня за руку. – Алин, я знаю, что ты сейчас испытываешь. У меня таких пациентов очень много, к сожалению. И знаешь, что я заметила?

Я мотаю головой и молчу.

–Что стоит им принять свое положение и отвлечься на что-то, как они сами, безо всякой помощи беременеют. – Она поджимает губы. Я знаю, ей это тоже тяжело дается. Мы вдвоем проиграли эту битву. Только она это признала, а я пока еще нет. – Вот одна моя пациентка дошла до такого от-

чаяния, что отправилась к бабке. Целительнице. Представляешь?

О, да. Дайте мне ее телефончик. Я, пожалуй, тоже наведаюсь. Может, от нее будет больше пользы?

Я это не говорю. Вместо этого стараюсь изобразить улыбку, но выходит кривовато, хотя для меня задача номер один – не разрыдаться. Мне срочно нужен новый план. Лапароскопия и гормональная терапия потерпели крах. Как только мы вылечивали что-то одно, находили что-то другое. Низкий уровень гормона, ановуляция, непроходимость труб. Одно за другим мы раскидывали препятствия на своем пути к заветной мечте. С упорством бульдозера мы с Яном в связке шли вместе. Пока он не устал... И не предложил взять чужого ребенка.

– Возможно, вы рассмотрите вариант ЭКО?

Я мотаю головой. Я женщина. Это в моей природе рожать детей. И я могу сделать это сама. Ну, в смысле, с мужем.

– Я подумаю, – поспешно говорю я и поднимаюсь со стула.

– Вот, – врач протягивает мне буклет с изображением малыша и приглашением в фертильную клинику.

Я бросаю на нее взгляд и читаю сочувствие.

– Спасибо, – шепчу я, делая глубокий вздох. – Надеюсь, скоро увидимся, – произношу и сама хочу верить этим словам, хотя мы обе понимаем, что «хрена с два».

Выйдя на улицу, я закрываю глаза и отчаянно хочу все изменить. Я до дрожи в коленях, до головокружения, до слез

хочу стать мамой. Слеза все же стекает у меня по щеке, и не успеваю я дать волю чувствам, как по моей ноге проезжает колесо коляски.

– Простите, но вы так неудачно тут стоите, – говорит мамаша в розовом спортивном костюме и кошмарным пучком на голове.

Я к этому стремлюсь? Это и есть предел моих мечтаний? Малышка надрывно рыдает в коляске, и мамаша явно на нервах. А у щемит сердце.

Я пожимаю плечами. Да. Именно этого я и хочу. Я бы душу продала дьяволу чтобы у меня тоже была коляска с рыдающим малышом. Я бы его взяла на руки, зацеловала бы до потери пульса. Я бы...

– Может, вы отойдете все же?

Какого черта она идет в обратную сторону?

– Она наложила в штаны, а я забыла памперс, – поясняет дама с пучком.

Наверное, став матерью, женщина обретает дар телепатии.

Я втягиваю в себя разогретый летний воздух и удаляюсь с дороги.

Надо бы позвонить Яну, но почему-то не могу найти в себе сил. Он был прав. Я просто затягиваю агонию. Наверное, надо уже признать, что мне не стать мамой. По крайней мере, в традиционном варианте. Сейчас я успокою дрожь в руках и сообщу мужу, что мы попробуем ЭКО, и если и там провал, то возьмем малыша, который ждет родителей с та-

ким же отчаянием, как и мы ребенка. В этом даже есть плюсы: мне не придется рожать, возиться с младенцем, который не спит ночами, и мы даже сможем выбрать то, как наш сын или дочь будут выглядеть! У естественных родителей такой роскоши нет.

Я уже беру в руки мобильник, чтобы нажать на главном экране кнопку с фотографией самого красивого мужчины на свете – моего мужа, – как телефон оживает и на нем высвечивается имя, которое я не видела лет так сто уже. Если честно, я даже не уверена, откуда у меня этот номер. На мгновение я даже забываю о личной трагедии. Хотя, нет, конечно. Я об этом думаю постоянно. Что бы я ни делала, внутри головы свербит: ты никогда не будешь мамой. Никогда!

Вообще я сейчас не в настроении общаться ни с кем, но телефон настаивает, и я поддаюсь и отвечаю.

– Привет, – произношу так, чтобы было ясно: я занята, но только потому, что звонит моя старая подруга, я сделаю исключение.

– Алина?

– Да, привет, это я. Алина.

– Алин?

– Да я слушаю же! Слушаю! – Вообще, необходимости грубить никакой нет. Но у меня плохой день.

– А, вот теперь слышно. У нас тут связь сама знаешь! Надо на дерево залезть, чтобы позвонить.

– Ты сидишь на дереве?

– Да, и я быстро, потому что внизу уже очередь собралась.

– Что-то случилось, Катя? Что-то срочное?

– Вообще, да! Я считаю, что тебе надо приехать к нам на недельку или на две. Я так соскучилась по тебе! Ну давай же! – Я открываю и закрываю рот, потому что мне не дают возможности ответить. – Мы тут целый праздник собираемся организовать! К нам приедет телевидение снимать старые русские обряды, ну знаешь, как мы обычно дурачимся. Кто-то растрепал, мол, в деревне Дуболомово до сих пор соблюдают обряды, вот надо не упасть в лужу лицом.

– В грязь.

– Ты что, какая грязь? Вот Петька взялся – у нас с тропинок кушать можно! Грязь! Обижаешь!

– Катя, что за глупости? С твоим младшим Федькой буду на печке спать, да? Куда я к вам?

– Да я бы не предлагала. Хотя, печка – самое крутое место. Помнишь свой старый дом? Так вот, хозяева, которые купили его, уехали. А ключ мне отдали. Представляешь? Даже огурцы не закрыли! Я туда теперь прятаться от детей хожу. – Катя хихикает – видать, это ее самая большая шалость за всю взрослую жизнь. – В общем, у меня столько всего есть, что рассказать, давай к нам, а? Поживешь в своем доме, отдохнешь от вашей вонючей Москвы?

Ее смех моментом откидывает меня обратно лет так на двадцать, когда мы с замиранием сердца и нервным хохотом наблюдали куда течение прибьет наши венки. Неужели где-

то, не так далеко от Москвы, еще существует эта традиция? Врядли. Современные девочки смотрят TikTok. Они не плетут венки.

– Нет, это безумная идея, – смеюсь я, хотя где-то глубоко в сознании мне вдруг захотелось авантюры.

– Ну все, я тебя встречу на автобусной остановке, мы с Михой на конях будем.

– Кать, Катя? Катя! Я же сказала, что нет!

Серьезно? Она вообще слышала меня? Интересно, она, правда, сидела на березе? Каким-то странным образом ее звонок выводит меня из слезливой комы, но я решаю, что лучше нам с мужем обсудить эту тему не по телефону.

Зайдя домой, я плюхаюсь на диван. Эта жара просто изматывающая, хорошо, что дома есть кондиционер. Нашупываю пульт и нажимаю на кнопку. Лопасты оживают и на меня начинает дуть долгожданной прохладой. Я окончательно прихожу в себя. И даже решаю залезть в интернет почитать про усыновление.

Оказывается, на сайтах есть целые базы детей, оставшихся без родителей. И спустя полчаса нахожу себя в луже слез. У меня странное ощущение, будто я покупаю ребенка через маркетплейс. Все кажется фальшивым и странным настолько, что меня начинает подташнивать от этой мысли и я захлопываю ноутбук. Я не готова.

Мои мысли путаются, одна перекрикивает другую, и я совсем теряюсь. Что-то очень сильно напрягает меня и я вдруг

понимаю – это звук капающей воды. Мои ноги плетутся в ванну, чтобы закрыть кран, но и там, и на кухне они закрыты.

Монотонное кап-кап переходит в более интенсивное. Вода уже льется, только, черт побери, где? Если не на кухне и не в ванной? Где? Я прислушиваюсь.

Звук идет из комнаты. Мои шаги осторожны – будто я боюсь утонуть в собственной гостинной.

Гадство! Только не это! Вода течет из кондиционера. Прямо из лопастей!

– Это вообще возможно, чтобы из него текла вода? Откуда она вообще взялась-то? – Я сама не совсем понимаю, в чем цель моего вопроса. Как будто от того, что мастер со мной согласится, что воды там не должно быть, она перестанет течь.

– Ваш кондиционер чистить надо, – делает заключение мастер. – Но я смогу только через неделю. У меня вызовов больше, чем часов в сутках.

– А кто еще может, кроме вас?

– Не знаю, сейчас у всех все кипит. Поищите.

На этом он прервал наш разговор, хотя, по этикету, кто звонил, тот и заканчивает его. Но, не суть важно. Важно то, что я осталась в жаркой квартире, и за неделю отпуска, по всей вероятности, схогну здесь.

Не успеваю я положить телефон на стол, как он снова звонит.

– Привет, – голос Яна моментом возвращает меня к нашей

проблеме. Хотя, последнее время мне все больше кажется, что проблема эта только моя. – Как все прошло?

– Плохо.

– Понятно. – Ему не надо было объяснять, что сказала врач – за долгое время нашей борьбы с бесплодием, он уже знал, что значит «плохо».

И чтобы занять дурацкую паузу, во время которой он вполне себе ощутимо жалеет меня, я выпаливаю ему про звонок Кати.

– Тебе стоит поехать.

– Как поехать, то есть этот месяц мы пропустим?

– Алина, ты еще не поняла? Мы не можем стать родителями. По крайней мере, по классической схеме. – Я слышу, как Ян вздыхает – точно решил, что перегнул палку.

– Хорошо. Я поеду. Развлекусь. – Я пожимаю плечами – в который раз за сегодняшний день. Конечно же, я это сказала просто так.

– Ну и отлично, потому что мне дали проект. Я буду работать как Папа Карло. Поезжай. Ты же так давно там не была.

– Да можешь больше не уговаривать. Все равно в отпуск сидеть в душной квартире и наблюдать как ты работаешь – так себе отдых. – Я не обиделась. Нет. Я взрослая женщина. И в конце концов, я должна развеяться.

– Кони? Вы встретили меня на конях? А... Боюсь спросить, куда мне?

– Запрыгивай ко мне, – Катя улыбается белоснежной улыбкой. Меня даже кольнула зависть, когда я поняла, что на ее безупречной коже не видно ни единой морщинки, а волосы можно снимать в рекламе шампуня. Так вообще возможно выглядеть в нашем возрасте?

– Я не уверена, что могу запрыгнуть. – Я стою в растерянности и чувствую себя довольно глупой. Меня нельзя назвать городской девчонкой, ведь я все свое детство провела здесь. Когда-то я тоже каталась на лошади и гоняла кур. Лазила по деревьям и плавала в реке. Надо сказать, мы делали много вещей, от которых у современных мам волосы дыбом бы стали. Взять только поездку в грозу на кладбище. Я не могу сказать, почему нам приспичило туда ехать, но это одно из ярких воспоминаний моего детства. Или ночные посиделки у костра. Мы могли до утра шляться по деревне и только под утро проникнуть в дом, чтобы спать до полудня. Потом бабушка вздыхала, что подростки – ленивые черти.

Итак, я в Дуболомово. Поверить не могу. Я оглядываюсь по сторонам, и понимаю, что все так же, как и было пятнадцать лет назад, и в то же время какое-то другое. Наверное, это взгляд под призмой зрелости.

– Что это за знаки на дверях? Круги какие-то, кресты? – спрашиваю я, когда сердце перестает забиваться от страха поездки на лошади. Справедливости ради, Катя ее ведет очень осторожно.

– Это обереги. Мы их с Петькой нарисовали, помнишь же

телевидение придет завтра.

Мы обе смеемся.

– Вы устраиваете шоу по полной программе?

– А то.

– Я не очень люблю день Ивана Купала. Во-первых, я всегда забываю про него. И когда утром меня окатывают холодной водой, то настроение портится на весь день вперед.

Я давно не чувствовала себя так легко. Как будто я взяла отпуск от своих проблем.

– Зато вечером весело, правда?

– Это да. Помнишь, как мы пускали венки по реке?

– Еще бы. Мой Петька вытащил из реки. Вот мы и поженились.

– В смысле? Вы поженились, потому что он вытащил или наоборот – он вытащил, потому что вам предстояло пожениться?

Катя оборачивается и внимательно всматривается в мое лицо, а потом начинает хохотать. Наверное, Ян был прав – мне надо немного расслабиться.

Мы останавливаемся напротив дома, который занимает особое место в моем сердце.

– Я уже не думала, что мне доведется здесь побывать, – я понимаю, что по щеке течет слеза. – Но ты уверена, что я могу вот так просто вломиться в него?

– Хозяев уже больше года как нет. Я думаю, они больше не вернуться. И они оставили мне ключи. – Она игриво тря-

сет связкой, и я понимаю, что не было этих лет разлуки. Мы словно вчера только распрощались, закончив диалог на полслове и подхватили его сегодня. – Так что, не волнуйся.

Входную дверь богато украшают «обереги»: крест с римскими цифрами и какие-то странные символы, которые я не могу отнести ни к чему. Катя протягивает мне ключ и с улыбкой наблюдает, как я впервые за последние пятнадцать лет открываю дверь, и мне в нос шибает знакомый запах. Слезы уже не удержать, и они катятся по щекам, а я смеюсь.

– В последний раз здесь еще была бабушка, – грустно произношу я трясущимися губами. – Она была самой замечательной во всем мире.

Катя кивает, ее глаза тоже блестят от влаги. Я бросаю взгляд на ее мужа – он чертит что-то на земле.

– Мне кажется, вы отпугнете всем этим съемочную группу. Они решат, что попали в секту, – мы дружно смеемся, но Петя все же завершает свое магическое дело.

В доме градусов на десять меньше, он пропитан сыростью и затхлым воздухом. Половицы скрипят, как это всегда и было. А на столе крошки.

Катя поспешно их сметает рукой, за что получает выговор от Пети.

– Я здесь иногда бываю, – смущенно говорит она.

– Меня это радует, что дом не стоит пустой. Почему, интересно, хозяева сбежали? Они его купили только года три назад?

– Ну, – они оба пожимают плечами. – Деревенская жизнь не всем по зубам.

Я киваю и на секунду задумываюсь как это – жить здесь.

– Звонки с вершины дерева – это тот еще экстрим.

– Это самое малое что тебя здесь впечатлит, поверь мне, – бубнит Петя и получает в бок от жены.

Да уж, та еще парочка.

– Ладно, ты отдыхай, а завтра будем веселиться. Если захочешь, приходи поужинать.

Они поспешно удаляются, чему я, надо сказать, немного рада. Мне хочется побыть наедине со своими эмоциями и воспоминаниями. Я все еще чувствую себя взломщиком, но успокаиваю себя тем, что шанс возвращения хозяев невелик.

Моя рука нежно проводит по покрывалу, которое, почему-то не заменили хозяева, по старинному буфету с резными элементами. Я вдыхаю запах детства – от него до сих пор пахнет конфетами и какими-то травами. Неужели это все здесь так и стояло столько лет? Неподвижно? Не похоже, что кто-то здесь вообще бывал, кроме Кати. Мой взгляд цепляется за портрет прабабушки.

Его тоже оставили. Как будто это дом-музей и ни к чему нельзя притрагиваться. Похоже, у меня паранойя. Видимо, хозяева – не любители менять интерьер. Или же им по какой-то причине нравился портрет, и они его не стали снимать. Меня же он пугал всю свою жизнь. Красивый профиль прабабки обрамляла странная рваная виньетка та-

кого же черного цвета, как и ее волосы, совершенно сливаясь с ними, от чего получался совершенно дикий эффект. Возможно, это задумка художника, но скорее всего, просто неудачная фотография.

Не удивительно, что мама его не забрала. Я бы тоже не знала, куда его деть потом.

Я зажигаю свечу, потому что свет постоянно моргает и уже дал мне головную боль. Сами свечи и спички лежат в том самом месте, где я их помню. Взяв в руку канделябр – его, кстати, стоит прихватить с собой в Москву, ведь технически, он мой – я поднимаюсь на второй этаж, где на кровати заботливой рукой подруги положен комплект постельного белья и белоснежное одеяло с подушкой.

И уже спустя двадцать минут, так и не поужинав, я забываюсь в глубоком сне.

На то, чтобы понять, где я нахожусь, у меня уходит несколько секунд. Пара первых подарили мне дикое ощущение, будто я случайно стерла последние лет двадцать моей жизни. Нажала кнопку delete и упс. Придется снова заканчивать школу, поступать в институт. Так себе ощущение, надо сказать. Окончательно придя в себя, и обнаружив себя взрослой, я успокоила участвовавшее ритм сердце, и потянулась на постели. Зачем мы только продали этот замечательный дом? В нем так светло и спокойно. Может, это именно то, что нам с Яном надо?

Спокойствие.

У меня такое ощущение, что я впервые за очень много лет выспалась и набралась сил. Я сделала паузу, и теперь готова двигаться дальше.

Мне надо ехать домой! Я не могу потерять эту самую важную неделю в месяце! Я отвлеклась – как мне и советовали – и теперь во всеоружии. Сейчас позавтракаю и вперед, домой!

Спустившись вниз, я вдруг поняла, что вряд ли найду что-то съестное в доме, в котором никто не живет. Поэтому стоит поискать местный магазин.

Мои джинсы немного заляпаны от попытки запрыгнуть на лошадь, но я все же их надеваю. Думаю, местные мне простят такую неряшливость. Легкий летний топ в цветочек полностью отражает мое настроение: я полна надежды и с трепетом жду перемен в жизни. Вот только осталось выбраться отсюда. Сделаю Яну сюрприз!

Распахнув дверь, я в шоке разеваю рот, в который заливается огромное количество ледяной воды.

– Хахаха, – Кате это явно доставило удовольствие. – Ты как всегда! Ничего не меняется! Кто же в день Ивана Купалы так спокойно выплывает на улицу! Выплывает! Ахахахаха!

– Да что с тобой такое! – злюсь я. – Тебе что, десять лет?

– А тебе нет, что ли?

– Великолепно, теперь мне придется переодеваться, – наигранно улыбаюсь детской шалости моей великовозрастной подруги.

– Не утруждайся, сухой тебе все равно не ходить сегодня. И да, оставь свой мобильник. Он все равно сигнал не ловит, только утопишь его сегодня.

Дело готовит. Я поспешно возвращаюсь в дом, шлепая мокрыми босоножками по скрипящим половицам, и оставляю телефон. От чего мне несколько неуютно – он единственный мой проводник в мир нормальных людей.

– А вы не могли бы повторить это, – слышу я, как кто-то обращается к Кате. Странно, я не заметила, что с ней кто-то был.

– С удовольствием! – слышу, как отвечает она.

Я возвращаюсь на улицу и снова вскрикиваю.

– Это совсем не смешно! – кричу я. – Зачем ты меня еще раз окатила?

– Я уверена, ты накопила слишком много грехов, за один раз не смоешь. – Ее это здорово веселило.

Я обнаруживаю рядом с ее ногами еще два таких же ведра и спешу схватить их. Нельзя же это так оставлять! Но как только моя рука касается одного из них, я замираю. К моему запястью приближается камера, которую держит какой-то парень. Он скачет с ней будто взбесившийся бабуин, и у меня тут же пропадает желание реванша.

– Понятно, это было для вашего глупого фильма, да?

– Ну вот, придется удалять, – разочарованно произносит парень. Он отрывает камеру от лица, и я на секунду застываю. Это же сам Макс Палаццо. Самый известный оператор

программы о нравах людей, и известен он не своим новаторским подходом к ракурсу, а тем, что просто криминально хорош собой. Инстаграм заполнен его фото с камерой в руках. Надо сказать, в жизни он еще восхитительнее. Короткие рукава легкой рубашки в клетку обтягивают сильные руки, а его прическа выглядит так, будто ее укладывал именитый стилист. Макс смотрит на меня пронзительным взглядом своих светло-голубых глаз. Они настолько светлые, что кажется, почти не имеют цвета, что в сочетании с загорелой кожей выглядит просто ужасно восхитительно.

– Я, кажется, знаю, кто вы, – мои губы не слушаются меня. Что со мной такое? Увидела известного человека и потеряла дар речи?

– Да, возможно вы меня видели по телевизору. Я..

– Макс Палаццо.

Он жестом показывает, что я молодец, что отгадала его имя и улыбается белоснежной улыбкой – результатом кропотливой работы стоматолога.

– Я вообще собиралась уезжать, – пожимаю плечами и смотрю на Катю.

– Ты не можешь, – шепчет она. – Сегодня мы снимаем фильм, и ты мне нужна. Давай, будет здорово! А завтра езжай. Но сегодня – ты девочка без проблем с зачатием, – говорит она еще тише. Я хмурюсь. Разве я упоминала об этом? Или это просто дикая догадка? – Сегодня тебе снова десять лет, и ты жуть как хочешь отомстить мне.

– Ты права, – говорю голосом Дарт Вейдера и с нескрываемым удовольствием выливаю ей на голову целое ведро воды.

– Снято! Молодец, – поддерживает меня Макс, и мне вдруг начинает нравиться весь этот хаос, происходящий вокруг.

Один день. Только сегодня. Я отпущу свои проблемы.

– Если бы у вас не было камеры, вы бы тоже получили ведро прохладной воды, – злобно цедит Катя сквозь зубы. – Вот вам, – она водружает ему на голову венки из пахучих трав. – Чтобы никто не сглазил. Или не послал вам проклятий. Почему-то думается мне, желающие будут.

Макс поджимает губы и кивает головой.

– Расскажите мне про эти обычаи? Сейчас, давайте отойдем вот туда?

– Конечно. – Катя откидывает волосы назад и улыбается Макс. Интересно, Петя где? – Утром в день Ивана Купалы девушки собирают травы, которые будут оберегать их весь год от нечисти, которая, надо сказать, сегодня свободно разгуливает. Поэтому возьмите вот это, – она протягивает ему небольшой букет повядших трав, – и заткните их за пояс. А я вам покажу марену – дерево, которое мы выбрали для того, чтобы украсить его лоскутами.

Катя идет вперед и все время обращается в камеру, словно всю жизнь это делала. А я плетусь за ними по следам, удивляясь на каждом шагу. Наша когда-то богом забытая де-

ревня здорово изменилась. Почему я вчера этого не заметила? Кузница с крутой кованой вывеской завлекала к себе выставленными товарами: различными фигурками для украшения дома, клинками, топорами с кожаной рукояткой. Я делаю мысленную заметку купить что-нибудь Яну в подарок завтра утром. Но тут же об этом забываю, потому что в воздухе появляется аромат свежего хлеба. Чуть дальше по улице вижу булочную, со стеклянной витриной и надписью «крафтовый хлеб», от чего фыркаю носом. Я так и представляю свою бабушку, которая утром зовет меня позавтракать «крафтовым» хлебом, который она испекла.

На раздумья следовать за Катей и горячим оператором или зайти в булочную не уходит и секунды: я слишком голодна, а съемки фильма – не моя задача, и более того, в нем светиться мне совсем не хочется. Поэтому булочная.

Внутри пахнет еще сильнее, а глаза разбегаются от выбора.

– Ваша булочка и кофе, – женщина протягивает мне пакетик. – Там еще одна такая же, это для Ярилы. Ты же туда идешь? Отнеси за меня? Не могу отойти ни на секунду!

Я киваю, не совсем понимая, о чем она. И тут же вспоминаю, что куклу, которую обычно сажали под марену, зовут Ярило. Перед ним всегда стояли тарелки с разной едой. Видимо, это мне и надо сделать. Хотя, может, стоит и самой съесть ее. От выпечки просто невероятно пахнет. И почему только в Москве невозможно купить такой хлеб?

Я делаю пару шагов и отпиваю свой кофе, как чувствую на себе струю ледяной воды. Серьезно? Неужели не видно, что я завтракаю? Медленно, чтобы успеть подостыть и не сорваться на несчастном ребенке, который решил, что сегодня все можно, я поворачиваю свой корпус.

– Ян? Ян! Как ты? Что ты здесь делаешь? – моему восторгу нет предела. Лучше не придумать!

Он чмокает меня в щеку и выхватывает вторую булку.

– Решил, что тебя здесь комары съедят без меня, и приехал. Одно то, что я сделал секунду назад, стоило полутора-часовой поездки.

– Молодец, – выговариваю, довольно пожевывая свою выпечку.

– Ого, вкусно то как! – произносит он, откусывая от второй булки.

– А то! Ты украл булку у Ярилы. Теперь все, тебе кранты.

– У него там и так гора, он не заметит. Ты видела? Сумасшествие какое-то, столько еды выкидывать.

– Не, ее потом уплетают все вместе, так что ты просто кредитом взял своей кусок.

У меня внутри все поет от того, что Ян приехал. Примерно то же самое испытывают дети, когда их неожиданно рано забирают из детского сада.

День пролетает, мы даже не успеваем моргнуть. Я узнаю кучу всякой информации про праздник, и мне не хочется, чтобы это волшебство заканчивалось. Кругом суета: готовят

костер, топят бани, девушки плетут венки, из всех домов разносятся крики и смех. Дети обливают водой кого ни попадая, и мы впервые за многие месяцы, а может быть и годы чувствуем себя расслабленными и говорим о чем-то другом, кроме бесплодия.

А ближе к вечеру начинается полное безумие. Даже парень с камерой не знает, что снимать. Хоровод или как на него молодые парни совершают «набеги» или же как в воду пускают венки. Везде сочетание огня и воды. Нас засасывает круговорот безумия и веселья. Почему я не помню, чтобы раньше все это происходило? Неужели все ради фильма?

Костер полыхает, придавая лиричности вечеру, и вокруг него потихоньку начинают собираться пары. Девушки распустили волосы – что с моей точки зрения весьма опрометчиво, потому что я знаю, им предстоит прыгать через костер.

Старейшина встает и спрашивает: «Все ли отпустили обиды?»

И я невольно кошу взгляд на Яна. И внутри задаюсь тем же вопросом. Толпа замирает. Даже тот толстый парень перестает есть. То, что мы наблюдаем – настоящий пир. Все получили в руки по куску священной еды, принесенной с капища, и Яна отпустило чувство, что он украл кусок у божества, поскольку он слопал еще несколько разных яств, предназначенных Ярило.

Я вижу, как молодая девушка с короткой стрижкой и венком из каких-то лохматых трав, поднимается и складывает

руки крест-накрест.

– Это местное ток-шоу, – комментирует мой муж набитым священной едой ртом.

– Тихо, – хихикаю я, – я ничего не слышу!

Лицо Яна искажается в полуулыбке, и я крепче прижимаю к себе его руку. Мне не за что обижаться на него. Он тоже устал от наших неудач. А вот он мог бы обвинить меня в том, что я не выполняю свое предназначение как женщины.

– Я обижена на Михаила, – заявляет девушка.

– Михаил, поднимись!

– Ого, будет порка? – Ян не может сдержать иронию.

Михаил закатывает глаза.

– Ну просил же, – протягивает он. – Что за женщина? – он качает головой и шепчет себе что-то под нос. Явно не приглядное.

– Я обижена, что ты обещал жениться еще в прошлом году, – вокруг костра послышался шум и смешок: все активно принялись обсуждать вопрос. – Но до сих пор этого не сделал!

– Вот любишь ты все испортить, – в сердцах рывкает Михаил. – Я собирался просить твоей руки сегодня. Но ты, как всегда, торопишь события. – Михаил стал причитать, но мне не было слышно из-за общего гама. Я смотрела на девушку и видела, как она светится от счастья, а потом она схватила его за руку, и притянула к себе, заткнув его рот на середине предложения.

Они были полны любви. У них все было впереди. Сейчас они поженятся, и через месяц-два она уже будет ждать малыша. Так происходит со всеми.

Только не с нами.

– Если больше суда не будет, то начинаем веселье!

Старейшина поджигает огромное деревянное колесо, и толпа каким-то образом начинает толкать его в сторону воды.

– Полное безумие, – шепчет мне на ухо Ян. – Но я сегодня здорово повеселился. Давно нам не было так хорошо.

Не могу не согласиться.

Меня развозит от какого-то сладкого медового напитка, которым нас с Яном то и дело снабжают разные люди. Огни плывут в глазах. И я решаю, что было бы неплохо притормозить.

– Давай тоже! – шепчет мне на ухо Ян, и поднимает на руках. – Пойдем, прыгнем?

– Давай, – меня вдруг охватывает безумное веселье. К черту притормозить. Не сегодня!

Он опускает меня на землю и мы разбегаемся, держась за куклу на палке. И от смеха чуть не падаем в костер.

– Ты отпустил! Ты не должен был отпускать! – смеюсь я, и вдруг ловлю неодобрительный взгляд подруги. –Что? Мы женаты, на нас это не работает, – говорю я ей и показываю язык.

Точно надо завязывать с напитком.

– Куда все делись? – спрашивает Ян, отрываясь от моих губ, которые уже болят от поцелуев.

Я оглядываюсь и нахожу только несколько парочек и инстаграм-звезду, развалившегося на земле со стаканом медовухи. Его дорогушая камера валяется рядом, и что-то мне подсказывает, что это не то место, где она должна быть.

– Пошли искать цветок папоротника, – неожиданно встречается Катя.

Я смотрю на нее и не могу понять, что не так, пока до меня не доходит: ее волосы выглядят по-другому.

– Кому он сдался, этот цветок папоротника? Зачем?

– Он обладает магией. Открывает места, где есть клад, а еще позволяет увидеть то, что обычному человеку неподвластно. Говорят, что цветок исполняет любые желания. – Она откидывает прядь волос, и я снова всматриваюсь в подругу. Ее волосы отливают сине-зеленым цветом, а кожа выглядит очень бледной. Надо же, как свет может изменить человека. Или, возможно, пятый стакан медовухи.

– Что ж, нам тоже стоит поискать, – говорит Ян и подмигивает мне.

Вдруг до меня доходит его идея, и я хихикаю по мере того, как он утягивает меня в лес.

– Тут так темно, что я не вижу собственных ног, как я могу увидеть цветок? – жалуясь я, едва зайдя в лес.

– Зачем тогда человечество изобрело фонарик на телефоне, скажи мне? – Муж включает фонарик и светит нам обо-

им под ноги.

– Тут полно людей, что ты задумал?

– Детка, лес для того и создан, чтобы в нем потеряться.

Мне нравится идея. Очень нравится. Я вдруг чувствую невероятный прилив любви к этому человеку.

– Ты тоже чувствуешь эту магию? – осторожно спрашиваю я. – Тебе не кажется, что это отличная ночь для зарождения новой жизни?

– Малыш, ты читаешь мои мысли. Сегодня у нас все получится, сегодня – тот день, вернее ночь, что мы ждали с тобой так долго. Иди за мной!

Он следует какой-то ему одному ведомой траектории, а мне все равно. Я готова потеряться в этом лесу, главное, что с ним. Я сейчас счастлива, как никогда. Наплевать на врачей, наплевать на статистику, наплевать на неудачи, и тем более на ЭКО. Сегодня случится волшебство! Сегодня все получится, потому что я расслабленнее мертвого! Я само спокойствие.

– Черт, выключился фонарик, – ругается Ян и мы оказываемся в крошечной темноте. – Стой рядом, не уходи.

Он отпускает мою руку, а я поднимаю голову к небу. Оно усыпано звездами. Столько звезд я никогда не видела. И даже кроны сосен не мешают мне насладиться этой красотой.

– Ничего понять не могу. Батарея была почти полная. Здесь нет никакого сигнала, поэтому я им даже не пользовался. Но, кажется, он сел, – говорит Ян. – Сейчас я попро-

бую заново включить.

– Так странно, что в лесу так тихо. Мертвая тишина. Ни звука! Правда? Ни птиц, ни зверей, ни людей не слышно.

– Это же прекрасно, что людей не слышно, – отвечает Ян и бурчит проклятия в адрес телефона.

Я поворачиваю голову и вижу огонек. Маленькую точку. Тусклый оранжевый свет становится все ярче, и начинает едва заметно дрожать в крошечной темноте. Он манит меня к себе, и любопытство берет верх надо мной, заставляя сделать сначала один неуверенный, а потом еще несколько быстрых шагов. Подойдя ближе, я чуть не вскрикиваю от неожиданности.

– Ян! Ян! Это же папоротник! Ян, тут папоротник цветет, – я смеюсь и приближаюсь к нему так близко, что его света хватает, чтобы подтвердить мои догадки. Это цветет папоротник! Раз в году после полуночи. Это мой счастливый билет!

– Не срывай его, – голос мужа звучит хрипло, что моментально напоминает мне зачем мы сюда пришли. Он меня возбуждает так сильно, что мне не терпится сорвать с него одежду и впиться в его губы так сильно, чтоюбы эту ночь мы не забыли никогда.

Огонек дергается еще несколько раз и угасает.

– Это просто светлячок, дурочка, это просто...

Но я не даю ему договорить. Я так соскучилась по этому Яну. Яну до проблем с фертильностью. Смешному, ха-

ризматичному, доброму, любящему Яну. Яну, который сейчас занимается со мной любовью словно это последний раз в его жизни: не быстро и не медленно, и с такой самоотдачей, что я жалею, что этот момент нельзя записать на видео и сохранить на всю жизнь. Перед глазами кругами идут звезды и почему-то возникает лицо Кати: бледное и покрытое тинной. Я мотаю головой, чтобы избавиться от странного образа, вызванного алкогольной интоксикацией. Ян целует мой лоб, губы, шею. Я закрываю глаза и отдаюсь ему вся. Это самое близкое к магии, что я когда-либо испытывала. Светлячок или цветок – они сделали свое дело.

Утром меня будет не петух и не муж. А тяжелая головная боль. И еще нестерпимая вонь. Мне словно в ухо залили бетон, и он еще не до конца застыл в моей голове, то и дело переливаясь с левого полушария в правое.

Я простонала и села на кровати.

– Кажется, я вчера перебрала, Ян, – жалуюсь я мужу. – Мне всю ночь снились странные танцы у костра, и русалки! – Я вдруг четко вспоминаю сон. Словно он был наяву – так четко! – Они пели невероятно красивые песни, зазывая к себе в воду, и ты пошел купаться с ними, представляешь! – Я морщу нос. – Чем это тут так воняет?

Но мне никто не отвечает. Наверное, Ян пошел в аптеку, вчера он тоже перебрал с медовухой. Я падаю обратно на постель и закрываю глаза. Несмотря на безумную головную

боль, я счастлива. Интересно, у нас получилось? От восторга и нетерпения я поворачиваюсь на бок и открываю рот в полнейшем ужасе. Я цепенею.

Рядом лежит не Ян, а изуродованное распухшее тело. От него нестерпимо воняет и меня тут же выворачивает на пол. Я, не чувствуя собственных ног отлетаю к стене, но, едва моргнув, понимаю, что мне показалось.

– Черт! – произношу я и прикладываю руку к груди. Сердце готово выскочить из нее. – Черт, черт, черт, – повторяю я и делаю глубокий вдох. – Черт...

Наспех одевшись, я спускаюсь вниз, и открываю двери дома – так некомфортно я чувствую в своем вдруг ставшем враждебным доме. Мне нужно развеяться. А еще мне нужна аптека.

Схватив сандалии и сумку в руки, я выбегаю на улицу. Облака затянули небо – надвигается гроза. Но я даже рада. Мне пойдет на пользу холодный дождь. Я до сих пор дрожу от страха. Образ утопленника никак не покидает мое сознание.

Я иду уже несколько минут, но не могу найти вчерашней улицы. Деревня выглядит... как деревня. Старые заброшенные дома, кошки, которые убегают, завидев меня. Дрова на улице. И даже намек нет на ту новомодную улицу с пекарней и магазином кованых вещей. На улице нет ни единого человека и я решаю, что еще очень рано.

– Ян! Ян! – кричу я. – Ян, ты где?

Наверное, я выгляжу городской сумасшедшей, перебравшей с медовым напитком. Нахожу мобильник в сумочке и делаю попытку позвонить.

И еще одну. И еще одну. Вдруг вспоминаю, что связь здесь никудышная да и телефон вчера остался без батареи. Наверняка, Ян его не зарядил. Ему было не до этого. Мысль о вчерашней ночи на секунду согревает меня.

Вдруг телефон оживает – Ян сам звонит мне.

– Алло, Ян, я потерялась, – выпаливаю я. – Найди меня, – чуть не плачу. – Мне уже совсем не уютно, и я хочу домой.

– Алина? – в трубке раздается высокий голос. Я его тут же узнаю – только брату Яна, одному мужчине в мире, так не повезло с голосом.

– Кирилл, это ты? Ты что, тоже здесь?

– Алина... послушай, приходи домой скорее.

– Что? – сигнал прерывается, и я не уверена, что поняла его. – Домой? Куда домой?

– К себе домой.

– Кирилл, где Ян? Я ничего не понимаю. Как ты оказался в Дуболомово?

– Где? Алина, мне надо, чтобы ты срочно приехала к себе домой. В Москву. Прямо сейчас. Тут... тут такое дело... Это Ян. Он... Он в беде.

– Он дома?

– Да, приезжай сейчас же.

Кирилл отключает телефон и все мои сто попыток позво-

нить ему проваливаются.

Абонент недоступен.

На голову мне падает тяжелая капля. Одна...другая. И из моих глаз, кажется, тоже льются капли. Я ускоряю шаг и словно в перемотке – так быстро – оказываюсь на автобусной остановке. Надо было зайти к Кате и попрощаться. Но я решаю сделать это по телефону – сейчас не тот момент. Что-то произошло. Что-то плохое. Что-то, что заставило Яна уехать, не разбудив меня.

Мне надо срочно попасть в Москву.

Дождь льет уже как из ведра, и я вся промокла. И даже в автобусе не могу согреться и прийти в себя. Всю поездку набираю номер мужа, только чтобы услышать зуммер. Что случилось? Почему он так поспешно уехал? И даже не сказал мне? Меня одолевает злость и страх одновременно. Телефон Кирилла тоже молчит, и я схожу с ума в догадках.

Залетев в подъезд, я не жду лифта и забегаю на четвертый этаж. Дверь открыта и из квартиры доносятся чужие голоса.

Сейчас мне еще страшнее, чем утром, когда мне привиделся утопленник. Меня невольно передергивает от воспоминания.

– Вы жена Яна?

– Да, – отвечаю непослушным языком.

Передо мной мужчина в форме полицейского. А это не может означать ничего хорошего. Мое сердце падает и первой реакцией – желание убежать.

– Алина? – Кирилл подходит ко мне и обнимает.

– Что происходит? – Сердце мое готово уйти в пятки. Вернее, оно уже давно там, с самого звонка.

– Он выпил вчера. В ванной. И заснул.

– С ним все в порядке? – Я уже знаю ответ, но хочу оттянуть тот момент, когда реальность захлестнет меня черной бездной.

Кирилл мотает головой и срывается в диком крике. Он взывает словно раненый зверь.

– Я дам вам несколько минут, а потом попрошу ответить на несколько вопросов. – Человек в форме удаляется в гостиную, а я неуверенными шагами захожу в ванную.

Я не кричу. И не плачу. Я смотрю на любимого человека, с которым вчера провела лучшее время в жизни и ничего не могу понять.

Его лицо потеряло цвет, а губы стали черными. Он похож на черно-белую копию себя. Копию, утратившую цвет. Его лицо выглядит спокойным и умиротворенным. Он спит. Он не мертв. Он спит...

– Это неправда. – Все, что могу сказать. Или провить. Я не уверена, что мои слова вообще обрели какую-то понятную форму. Скорее всего, это был крик.

– Скажите, когда вы видели его в последний раз?

Эти слова вводят меня в ступор. В лесу? Или же в доме? Мы же как-то добрались до дома? Я вдруг понимаю, что вче-

ра выпила так много, что куски выпали из моей памяти.

– Он приезжал вчера ко мне в деревню. А потом он почему-то уехал. Даже не разбудил меня. Мы были в Дуболомово. Это по...

– Хм. Точно Дуболомово? По Щелчку? Но, – брови мужчины сходятся вместе. – Что вы могли там делать вчера?

– Меня позвала подруга. Мы были там на празднике, – устало сообщаю я. Все это время я бесконтрольно качаю головой, как будто это действие принесет какую-то ясность.

– Это забавно, – фыркает он, чем невероятно злит меня.

– Очень.

– Простите. Дело в том, что мы уже год как говорим об этой деревне. Это странно, что вы упомянули ее. Там... как бы сказать. Делать-то нечего. Деревни нет.

– Я сегодня утром только вернулась оттуда. Между прочим, я не ожидала, что там так... хорошо.

Кажется, я цепляюсь за разговор. Что угодно, лишь бы на долю секунды подумать о чем-то другом, кроме черных губ.

– В прошлом году Дуболомово – если это то же самое Дуболомово – в одну ночь исчезло. Люди не успели даже понять, что случилось. Вода из реки поднялась и затопила все дома. – Мужчина пожимает плечами, а у меня в голове не укладывается вся сюрреалистичность момента. – Никто не успел выбраться. Да и как? Почти все старики, кроме пары домов. – Полицейский качает головой. – Я не понимаю, как такое случилось. Дело в том, что геологически деревня на-

ходится на возвышенности... Мы все в полном шоке. – Мы молчим несколько секунд, каждый думая о своем. – Я сам там не был, а вот мой друг – он до сих пор в шоке от увиденного. Говорит, там были дети. Трое или четверо. Дома затопило по самый верх. – Он снова пожимает плечами. – А потом вода ушла так же неожиданно, как и прибыла.

– Я... Это не та деревня.

– Дуболомово вы сказали? Пятьдесят километров по Щелковскому?

Я киваю.

– Там их, наверное, две. Или три. Я сегодня утром там была. Следов потопа не заметила. Это не она. – Меня вдруг начинает раздражать, что мы говорим о какой-то деревне. Когда мой муж лежит в остывшей ванне. С черными губами...

Я чувствую, как меня начинает накрывать. В горле растет комок. Он становится все больше и больше, пока я не начинаю задыхаться от слез. Срываюсь и бегу в ванную.

– Проснись! – кричу я. – Ян, проснись! Ты не можешь! Ян!

Меня обхватывают сильные руки и сжимают в объятиях.

– Тихо, Алина, тихо. Его больше нет. Нашего Яна нет больше, – Кирилл шепчет мне на ухо и начинает раскачиваться вместе со мной. Проходит час или целая вечность, прежде, чем мы замолкаем.

– Алина, поздравляю, – мой врач улыбается, и я все понимаю сразу. – Это невероятное чудо! Я, признаться, не ду-

мала, что у вас выйдет. Но, природа берет свое!

– Спасибо.

Я поднимаюсь со стула и трясущимися руками забираю какие-то бумаги, что мне протягивает врач.

С момента похорон прошло уже два месяца. Я раньше даже допустить не могла, что пропущу задержку. Что не сразу пойму, в чем дело.

– Иди обрадуй мужа, – с улыбкой произносит она.

Я иногда специально не говорю людям, что Яна больше нет. Завидуя их неведению, я выбираю игру, в которой мой любимый еще живет. Мне так легко потеряться в этой иллюзии.

– Это не его ребенок.

Больше не говоря ни слова, уйду, оставляя врача с открытым ртом. Да уж, если бы я видела себя месяц назад, то удивилась бы не меньше.

Я сажусь на кресло в приемной и быстро набираю в поисковике на мобильнике:

Сделать аборт сегодня

Но тут же стираю. Люди и не с таким справлялись.

Разберемся, малыш?